

Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго брака заключенія.

(Продолженіе) ¹⁾.

Возвращаясь отъ этихъ разъясненій вновь къ тексту моделиновой формулы, нельзя не отмѣтить въ разсматриваемой части ея еще одной черты: возникающій на почвѣ психофизическаго различія половъ супружескій союзъ опредѣленъ здѣсь какъ *conjunctio maris et feminae*. Употребленіе грамматическихъ формъ позволяетъ видѣть въ этой фразѣ, слѣдующей авторитетному примѣру одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, выраженіе той мысли, что „брачное соединеніе римскій юристъ могъ мыслить только какъ союзъ *одного* мужчины и *одной* женщины“ ²⁾. Другими словами, здѣсь можно усматривать если не прямое указаніе, то довольно прозрачный намекъ на *моногамическій принципъ*, который нельзя не признать *необходимымъ постулятомъ* естественной нравственно-психологической природы брака. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣдній есть союзъ не физическій только, а психо-физическій, и если духовная связь, опирающаяся на психологическое различіе половъ, должна быть мыслима не менѣе тѣсною, чѣмъ общеніе физическое на почвѣ полового различія въ тѣлесной организаціи, то очевидно, что въ этомъ психофизическомъ союзѣ не могутъ разомъ участвовать три индивидуума, или одинъ состоятъ въ союзѣ съ двумя лицами одного пола, какъ не возможно согласное съ законами природы одновременное соединеніе троихъ „въ плоть едину“. На-

¹⁾ См. Богосл. Вѣстн. за текущ. годъ, янв., стр. 60–92.

²⁾ Проф. Павловъ, 50 я глава Кормчей, стр. 42–43.

рушать моногамическій принципъ такъ или иначе (т. е. путемъ полигаміи или полиандріи) значитъ разрушать истинную идею брака и низводитъ его до самой крайней, унижающей человѣческую природу односторонности, при которой онъ становится лишь тѣмъ, чему *natura omnia animalia docuit*. Такое нарушеніе, въ качествѣ явленія обычнаго и общепризнаннаго, можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ нравственно-психологическая основа брака еще не признана въ своемъ надлежащемъ значеніи вслѣдствіе не достаточно высокаго уровня культуры, или же гдѣ она сознательно принесена въ жертву другимъ какимъ-либо общественнымъ потребностямъ и цѣлямъ. Примѣры этого можно видѣть у народовъ древняго востока, гдѣ моногамія не только не возвышалась въ общественномъ сознаніи надъ полигаміей (въ формѣ многоженства), но даже едва ли не считалась иногда болѣе низкой ступеню семейной организаціи ¹⁾. Менѣе рѣзко заяв-

¹⁾ Указаніе на это можно усматривать въ томъ обстоятельствѣ, что въ Индіи, напр., единоженство считалось обязательнымъ только въ низшей кастѣ *судра*, а въ прочякъ, высшихъ кастахъ закономъ Ману была дозволена полигамія въ формѣ конкубината (*проф. М. Капустинъ*, Исторія права, ч. I, стр. 141, Яросл. 1872). — Даже у евреевъ, законодательство которыхъ, благодаря исключительнымъ особенностямъ историческихъ судебъ этой націи, отличалось болѣею нравственною высотой сравнительно съ другими народами древности, моногамическій принципъ не былъ ясно сознавъ, какъ постулатъ нравственной природы брака: многоженство хотя и не пользовалось здѣсь явнымъ предпочтеніемъ по закону и народнымъ обычаямъ (что было бы вполне послѣдовательно при высокой оцѣнкѣ многочадія), однако не было и запрещено, а лишь до нѣвѣстной степени ограничено (см. *проф. Осипова*—цит. соч., стр. 93—94; *проф. А. П. Лапухина*—Законодательство Моисея, стр. 42—43, СПб. 1882). Въ позднѣйшемъ еврейскомъ правѣ запрещеніе имѣтъ много женъ, на основаніи косвеннаго указанія библейскихъ примѣровъ, было понято, какъ дозволеніе имѣтъ не болѣе четырехъ женъ за-разъ; пять — уже много по пониманію Талмуда и раввиновъ (*проф. Капустинъ*, цит. соч., стр. 166). Помимо этого моисеево-талмудическимъ правомъ разрѣшено имѣтъ и наложницъ (*ri-legesch*), которыя отличались отъ законныхъ женъ тѣмъ, что вступали въ сожителство безъ торжественныхъ обрядовъ и безъ *Ketuba* (соотв. римской *donatio propter nuptias*, — *Freisen*, о. с., S. 46). Указанныя отклоненія отъ моногамическаго принципа исчезли въ позднѣйшей практикѣ, уступивъ мѣсто единобрачію, но исчезли не вслѣдствіе ясно выраженнаго правового предписанія, а въ силу измѣненія нравственныхъ понятій (см. *Frankel*, Grundlinien des mos.—talmud. Eherechts, S. X—XI, Leipzig 1860).

ляютъ о себѣ отклоненія отъ моногамическаго принципа въ другой половинѣ древняго міра, хотя настойчиво подчеркиваемое нѣкоторыми изслѣдователями различіе въ данномъ отношеніи между востокомъ и западомъ ¹⁾ въ дѣйствительности не было ни вполне послѣдовательнымъ, ни всеобщимъ до тѣхъ поръ, пока оно болѣе коренилось въ мѣстныхъ условіяхъ жизни ²⁾, чѣмъ въ твердо установившихся понятіяхъ о достоинствѣ человѣческой личности и морально-психологической основѣ брака. Только недостаточнымъ проникновеніемъ названнаго принципа въ общественно-правовое сознаніе подданныхъ всемірной имперіи можно объяснить себѣ допустимость открытаго сожительства съ „конкубинами“ при живой женѣ ³⁾ и отдѣльные случаи двоеженства, о ко-

¹⁾ *Соколовскій Л.* О постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мірѣ, стр. 51, СПб. 1843.

²⁾ *Проф. Капустинъ*, цит. соч., стр. 67. — Не лишнюю интереса попытку указать на значеніе мѣстныхъ условій въ установленіи понятій о населеніи и въ связи съ этимъ о бракѣ, какъ средствѣ его увеличенія, находимъ у одного изъ старинныхъ нашихъ изслѣдователей. „На необозримыхъ плодородныхъ равнинахъ Азии человѣкъ желалъ умножаться до безпредѣльности, чтобы заселить необитаемые пространства, чтобы утвердить свой родъ предъ всѣми прочими. Вслѣдствіе этого азіатецъ набиралъ себѣ женъ какъ можно больше, и при недостаткѣ ихъ въ своемъ родѣ покупалъ ихъ, или похищалъ насильно у другихъ народовъ... Совершенно не то мы встрѣчаемъ въ Греціи. Въ этой странѣ, раздробленной на мелкія части по своему географическому положенію и раздѣленной въ политическомъ отношеніи на малыя государства, родилось совершенно другое понятіе о населеніи. Здѣсь качествомъ хотѣли замѣнить количество, и потому не умноженіе населенія, а образованіе его составило предметъ желаній и попеченій грековъ. Число гражданъ, по ихъ идеѣ, должно быть опредѣлено въ государствѣ, и каждое излишнее увеличеніе ихъ составляло зло, отъ котораго греки спасались только колонизаціею. Дѣти, рожденные въ законномъ бракѣ, получали всѣ права гражданства, имѣли законныя притязанія на клеры, а при большомъ количествѣ дѣтей надѣлать ихъ такими клерами было невозможно. Поэтому у нихъ не только многобрачіе современное, но и вторичные браки, ежель были дѣти отъ первыхъ, считались предосудительными“ (*Соколовскій*, цит. соч., стр. 66—68).

³⁾ См. выше, стр. 78, примѣч. — Свидѣтельства о томъ, что въ эпоху общаго упадка нравовъ мужчина, состоящій въ бракѣ, могъ имѣть одну и даже нѣсколько „конкубинъ“, настолько многочисленны (см. сводъ ихъ у *проф. Загуркаго* въ „Уч. о законнорожд.“, стр. 219 — 225 и 233 — 234), что нѣкоторые изслѣдователи затрудняются примирить съ ними тезисъ, выставленный однимъ изъ классическихъ римскихъ юристовъ: eo tem-

торыхъ упоминаютъ источники ¹⁾. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что уже въ законодательствѣ императоровъ—язычниковъ подобные случаи разсматриваются какъ проступокъ, подвергающій виновнаго лишенію гражданской чести (*infamia*) согласно возрѣнію, закрѣпленному въ преторскомъ эдиктѣ ²⁾.

prope, quo quis uxorem habet, concubinam habere non potest (*Pauli Sent. II, 20, 1*,—*Schultingii* о. с., р. 304), предполагая вставку пискомъ частицы *non* ради согласованія старой нормы съ позднѣйшими узаконеніями (l. unic. Cod. V, 26; l. 3 Cod. УП, 15, — *Загурскій*, цит. соч., стр. 236—238). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что слово *concubina* не всегда употребляется, особенно въ литературныхъ источникахъ, въ своемъ точномъ, терминологическомъ значеніи, съ какимъ оно является въ приведенной „сентенціи“ Павла, и что въ противопоставляемыхъ заявленію послѣдняго случаяхъ ничто не мѣшаетъ видѣть лишь фактическія отклоненія отъ указанной имъ нормы права. Средство противодѣйствія такимъ отклоненіямъ для жены, не желавшей мириться съ обиднымъ совмѣстительствомъ, давало широкое право развода; но гораздо дѣйствительнѣе была пенальная стипуляція, которую женщина, выходя замужъ, могла заключить съ своимъ будущимъ супругомъ на тотъ случай, если онъ *concubinae tempore matrimonii consuetudinem repetisset* (fr. 121 § 1 Dig. XLV, 1). При всемъ томъ, нельзя не согласиться, что принципъ строгой моногаміи терпѣлъ несомнѣнный ущербъ при широкомъ распространеніи среди женатыхъ наложничества, практически почти ничѣмъ не отличавшагося отъ легализованнаго конкубината.

¹⁾ Сохранилось, напр., извѣстіе, что Антоній имѣлъ двухъ женъ (*Plutarchi Comp. Dem. cum Ant.*,—ed. *Reiske* V, 256), и хотя оно сопровождается замѣчаніемъ, что это *πρόμα μὲν ἐν Ρωμαίων τετολιμμένον*, но—съ другой стороны—есть указанія, что вопросъ о допустимости полигаміи возникалъ у нихъ даже въ законодательномъ порядкѣ, и при томъ не только въ древности (*Macrobii Saturnal. I, 6*), но и въ болѣе позднія времена. По свидѣтельству *Светонія Транквила* (*C. Julius Caesar*, с. 52,—ed. *Tauchnitzii* р. 24, Lipsiae 1839), Цезарь проэктировалъ законъ, *uti uxores liberorum quaerendorum causa, quas et quot vellent, ducere liceret*. Приведенныя слова достаточно опредѣленны, чтобы показать неосновательность мнѣнія одного изъ старыхъ юристовъ, будто въ послѣднемъ случаѣ дѣло шло объ изданіи закона, имѣвшаго установить не общую норму, а лишь спеціальную привилегію для Цезаря (*Brissonii Ad legem Juliam de adulteriis*, с. 1,—*Opera minora*, р. 190. Lugduni Batavorum 1749).

²⁾ По закону имп. Валеріана и Галліена (258 г.) *eum, qui duas simul habuit uxores, sine dubitatione comitatur infamia* и онъ долженъ быть признанъ виновнымъ въ *stuprum*; вступившая же по невѣдѣнію въ бракъ съ женатымъ хотя и не считается виновною, подобно ему, но должна возвратить все, полученное отъ мужа: *nam ea quidem, quae tibi ut sponsae daturum promisit, quomodo repetere cum effectu potes ut sponsa?* (l. 18 Cod. IX, 9). То же самое повторяется въ конституціи имп. Діоклетіана

Тѣмъ строже и рѣшительнѣе должно было заявить себя торжество моногамическаго принципа на христіанской почвѣ, гдѣ брачное соединеніе *одного* мужа и *одной* жены разсматривается, какъ изначальный Божій законъ, осуществленный въ актѣ созданія первой супружеской четы и вновь подтвержденный въ новомъ завѣтѣ Христомъ ¹⁾. Извѣстная уже намъ аналогія союза Его съ церковью, углубляя пониманіе моральныхъ основъ брака, является здѣсь новымъ основаніемъ къ тому, чтобы настаивать на строгомъ единствѣ сопряженія, нравственно уподобляемаго названному союзу по глубинѣ и

(285 г.): *neminem, qui sub dicione sit romani nominis, binas uxores habere posse vulgo patet, cum et in edicto praetoris huiusmodi viri infamia notati sunt* (l. 2 Cod. V, 5; cf. fr. 1 ad fin. Dig. III, 2).

¹⁾ Быт. I, 27; V, 2; Матѣ. XIX, 4.—По изъясненію отцовъ церкви и древне-христіанскихъ писателей, сотвореніе Богомъ только одной чело-вѣческой пары уже само по себѣ свидѣтельствуеетъ, что въ намѣреніи Творца устанавливаемый Имъ бракъ былъ союзомъ строго-моногамическимъ, исключаящимъ самую мысль о „раздѣленіи одного ребра на два“ (*бл. Иеронима* Ep. LXXIX ad Salvinam, c. 10—*Migne, Patr. lat. t. XXII col. 732*) и соединеніи троихъ или четырехъ въ одну плоть (*Тертул. De exhort. castit. c. 5,—Migne, Patr. lat. t. II, col. 969; ego же De monogam. c. 4,—ibid. col. 983—984*). Если бы Богу было угодно, чтобы существовала полигамія, хотя бы только послѣдовательная, т. е. „чтобы жену оставляли и брали другую, то Онъ, сотворивъ одного мужчину, создалъ бы много женщинъ“ (*Злат. Homil. LXII, al. LXIII c. 1 in Matth.—Migne, Patr. gr. t. LVIII. col. 597*). Нарушенный впервые Ламехомъ (Быт. IV, 19), законъ моногамическаго супружества вновь восстановленъ при обновленіи земли потопомъ, когда не только люди (Ной съ своимъ семействомъ), но и животныя спаслись *парными* группами (Быт. VI, 18—20; VII, 13—17; *Тертул. De monogam. c. 4,—Migne, Patr. lat. t. II, col. 984*). Дальнѣйшія отклоненія отъ него въ вѣкъ патріарховъ хотя и находятъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ естественно-соціальныхъ условіяхъ ихъ жизни (см. *бл. Августина De bono conjug. c. 17, n. 20,—Migne, Patr. lat. t. XL, col. 387; Тертул. De exhort. castit. c. 6,—Migne, Patr. lat. t. II, col. 970*), тѣмъ не менѣе не представляютъ собою идеальнаго образца даже и для подзаконнаго іудейства, писанное законодательство котораго по этому предмету стоитъ ниже Богоустановленнаго естественнаго закова (*Злат. Homil. XIII n. 4 in ep. ad Rom.—Migne, Patr. gr. t. LX, col. 511*), восстановленнаго снова Христомъ. „Господь, обновляющій всекое (*παντα και καινον*), не допускаетъ болѣе многобрачія (*οὐ πολυγαμίαν ἐτι συχωρεῖ*), но вводитъ единобрачіе (*Κλιμεντα алекс. Strom. III, c. 12,—Migne, Patr. gr. t. VIII, col. 1184; ср. Тертул. De monog. c. 5: si ita factum est a primordio, invenimus nos ad initia dirigi a Christo,—Migne, Patr. lat. t. II, col. 984*).

силѣ взаимной преданности ¹⁾. До какой степени недопустимымъ съ чисто церковной точки зрѣнія представлялось прямое и грубое нарушеніе указаннаго принципа, можно судить по тому, что въ своихъ пенитенціальныхъ правилахъ древніе восточные отцы совсѣмъ умолчали о многобрачїи, какъ „дѣлѣ скотскомъ и совершенно чуждомъ человѣческому роду“ ²⁾. Не иначе, конечно, должна была съ самаго начала отнестись къ этому явленію и государственная власть христіанской имперїи, не стоявшая въ данномъ случаѣ передъ необходимостью компромисса требованій высшей морали съ привычными взглядами общества,—и если, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ свидѣтельство о попыткѣ императора Валентиніана сдѣлать дозволеннымъ явленіемъ бигамію ³⁾, то, не говоря уже о сомнительной достовѣрности самаго факта ⁴⁾,

¹⁾ По изъясненію бл. *Августина*, подобно тому, какъ многоженство ветхозавѣтныхъ патриарховъ символически предъизображало *futuras nostras ex omnibus gentibus ecclesias uni viro subditas Christo*, такъ моногамическій христіанскій бракъ *significat ex omnibus gentibus unitatem uni viro subditam Christo* (*De bono conjug.* c. 18, n. 21,—*Migne*, Patr. lat. t. XL, col. 388; ср. *Тертул.* *De monog.* c. 5,—*Migne*, Patr. lat. t. II, col. 985; *его же* *De exhort. castit.* c. 5, — *ibid* col. 969; *Климентъ алекс.* *Strom.* III, c. 11,—*Migne*, Patr. gr. t. VIII, col. 1173).

²⁾ Св. *Василія В.* пр. 80: *τὴν πολγαμίαν οἱ πατέρες ἀπειώπησαν, ὡς κτηνώδη καὶ παντελῶς ἀλλοτρίαν τοῦ γένους τῶν ἀνθρώπων*. Позднѣйшіе комментаторы, въ виду необычной исключительности настоящей полигамїи въ христіанской средѣ, склонны были изъяснять приведенныя слова правила въ смыслѣ запрещенія *последовательнаго многобрачїя*, разумѣя подъ нимъ случаи превышенія нормы дозволенныхъ повторныхъ браковъ одного и того же лица (см. изъясненія Вальсамона и Зовары въ „*Правилахъ св. отецъ съ толкованїями*“, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв. стр. 364—366, М. 1884).

³⁾ Извѣстіе объ этомъ содержится въ церковной исторїи *Сократа* (кн. IV, гл. 31). Здѣсь разсказывается, что императоръ, узнавъ отъ своей жены, Северы о необычайной красотѣ дочери одного сенатора Юстины, пожелалъ жениться на послѣдней, не разводясь, однако, съ первой женой, отъ которой уже имѣлъ дочь; а чтобы оправдать въ общественномъ мнѣніи свой поступокъ, постарался придать ему видъ законности: *νόμον οὖν ἐλαγορεύσας, δημοσίᾳ προτίθηναι κατὰ πόλεις, ὥστε ἐξείναι τῷ βουλευμένῳ δὺο νομίμους ἔχειν γυναῖκας. καὶ ὁ μὲν νόμος προέκειτο* (*Socrati Scholastici et Hermiae Sozomeni Historia ecclesiastica*, ed. *H. Valesii*, p. 204—295, Amstelodami 1700).

⁴⁾ Другихъ упоминаній о немъ, кромѣ вышеприведеннаго, мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ писателей (христіанскихъ и языческихъ), современныхъ или близкихъ по времени жизни къ описываемому событію

даже въ случаѣ признанія его здѣсь, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, нужно видѣть не болѣе, какъ „vorübergehende Frivolität“ ¹⁾. Въ противовѣсъ этому единичному и совсѣмъ не надежному указанію, официальные памятники византійскаго гражданскаго законодательства совершенно ясно говорятъ о томъ, что это послѣднее относительно занимающаго насъ теперь предмета цѣликомъ усвоило себѣ запретительныя нормы до-христіанскаго права ²⁾, дополнивъ ихъ съ своей стороны новыми узаконеніями, усиливающими мѣру уголовной отвѣтственности за ихъ нарушеніе ³⁾. Но этимъ еще не исчерпываются заботы объ охраненіи моногамическаго принципа въ примѣненіи къ христіанскому браку. Нравственныя требованія христіанскаго сознанія, подкрѣпляемыя авторитетомъ церкви, шли гораздо далѣе: не только настоящая полигамія, но и послѣдовательное многобрачіе признавалось не соотвѣтствующимъ идеальному пониманію супружества, какъ союза *одного* мужа и *одной* жены. Нельзя сказать, чтобы эта мысль, естественно постулируемая

равно какъ не находимъ никакихъ признаковъ противдѣйствія изданному, будто бы, закону со стороны предстоятелей церкви, которые не могли, конечно, остаться совершенно равнодушными къ опредѣленію гражданской власти, столь явно идущему наперекоръ церковнымъ воззрѣніямъ. Извѣстіе о двоеженствѣ Валентиніана повторяется лишь нѣкоторыми позднѣйшими писателями (св. Теодоромъ Студитомъ, Зонарой, Никифоромъ Каллистомъ), черпающими свои свѣдѣнія, очевидно, изъ той же исторіи Сократа. См. *Baronii—Annales ecclesiastici, ad an. Chr. 370, p. 124—128, —t. V, p. 318—319, Lucae 1739; Binghami — o. c., vol. VII, p. 426—430, Halaе 1729.*

¹⁾ *Hasse, Das Güterrechl der Ehegatten, Bd. I, S. 27, Berl. 1824.*

²⁾ *Basil. XXVIII, t. 5, l. 35: οὐδένα, ὅστις ἐπὶ τὴν πολιτείαν ἐστὶ Ρωμαϊκοῦ ὄνματος, διὸ γαμετὰς δύνασθαι ἔχειν, φανερόν ἐστιν. ὁπότε καὶ ἐν τῷ διατάγματι τοῦ πρώτου οἱ τοιοῦτοι ἠτίμωνται (ed. cit., t. III, p. 12); ср. вышепривед. l. 2 Cod. V, 5.*

³⁾ *Ecloga Leonis et Constantini, tit XVII, c. 35: ὁ διὸ γαμετὰς ἔχων, τυπτεύσθω, ἐκδιωχόμενον τοῦ ἐλευσάχτου γυναιίου μετὰ τῶν ἐξ αὐτῆς τεχθέντων τέκνων.*—Помѣщеніе въ законодательныхъ сборникахъ столь поздняго, сравнительно, происхожденія опредѣленій, направленныхъ противъ бигаміи, не можетъ, конечно, свидѣтельствовать ни о терпимости въ отношеніи къ этому явленію христіанскихъ гражданскихъ властей предшествующаго времени, ни о широкомъ распространеніи бигаміи, какъ бытового явленія. Вѣроятно, случаи двоеженства, напр., въ эпоху изданія Эклоги, были не чаще, чѣмъ въ наше время, когда это преступленіе также предусматривается уголовнымъ законодательствомъ.

правильнымъ пониманіемъ сущности супружеской любви ¹⁾. осталась совершенно чуждою до-христіанскому міру. Моральное преимущество воздержанія отъ послѣдующихъ браковъ по прекращеніи перваго признавалось и виѣ христіанства, вмѣняясь въ добродѣтель, а иногда и въ прямую обязанность по крайней мѣрѣ—для одной стороны ²⁾. Но уже въ самой этой

¹⁾ Нормальный супружескій союзъ предполагаетъ, какъ мы видѣли, въ основѣ своей чувство *исключительной* привязанности, которая уже по одному этому должна быть признана неповторяемой во всей своей свѣжести и полнотѣ. „Цѣльная личность человѣческая“, по справедливому замѣчанію одного нашего изслѣдователя, „не можетъ раздвоиться; если одна личность отдалась другой вполне и безраздѣльно, то невозможно, чтобы она такъ же полно могла отдаться и въ другой разъ третьей личности“, тѣмъ болѣе, что изначала предполагаемая духовная близость супруговъ, при нормальномъ теченіи ихъ общей жизни, постепенно растетъ и крѣпнетъ еще болѣе, преобразуясь въ концѣ концовъ въ самое глубокое, живое и тѣсное единство, не ограничиваемое въ своей силѣ и продолжительности возможностью тѣлесной близости между ними. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ дѣйствительно „трудно, чтобы по прекращеніи такого союза заключаемый тѣмъ или другимъ супругомъ второй бракъ былъ подобенъ первому по искренности и энергіи жизненнаго общенія, а послѣдствіемъ въ заключеніи новыхъ и новыхъ супружествъ прямо и ясно показывала бы въ супругъ грубую природу и низкую степень духовнаго развитія“ (*Страховъ Н.*, цит. соч., стр. 98—99).

²⁾ Именно—для женщины, по отношенію къ которой мораль древнихъ отличалась вообще гораздо большею требовательностію. По воззрѣніямъ древнихъ индусовъ, вдова, вышедшая замужъ вторично, кромѣ позора въ этомъ мірѣ навлекала на себя проклятіе въ жизни загробной (*проф. Осиповъ*, Брачное право древняго востока, стр. 49; о мнимой обязанности сожженія женъ на кострѣ вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго мужа см. тамъ же, стр. 49—52). Менѣе рѣзко, хотя все же достаточно опредѣленно заявляетъ о себѣ тотъ же взглядъ на вѣрность жены своему умершему мужу въ греко-римскомъ мірѣ, гдѣ вторичное замужество создавало для женщины нѣкоторыя ограниченія въ религіозно бытовомъ отношеніи (*проф. Загурскій*, Ученіе о законнорожд., стр. 215), *multorum matrimoniorum experientia* рассматривалась *quasi legitimaе cujusdam intemperantiae signum* и, наоборотъ, считалось почетнымъ наименованіе *univira* (*uni nupta viro*), нерѣдко обозначавшееся даже на надгробномъ камнѣ такихъ вѣрныхъ первому браку женъ (*Zhishman*, о. с., S. 401). На мужа эта точка зрѣнія не распространялась потому, что на него возлагалась обязанность, имѣвшая религіозно-политическое значеніе: быть продолжателемъ рода, источникомъ новаго поколѣнія читателей родового культа и гражданъ родного государства. Впрочемъ, есть основанія утверждать, что помимо сейчасъ указанныхъ побужденій вступленіе во второй бракъ признавалось и для мужчины дѣломъ не совсѣмъ нравственно-безразличнымъ.

односторонности примѣненія этической идеи даетъ себя чувствовать недостаточная ясность и полнота ея усвоенія. Надлежащее истолкованіе себѣ нашла она лишь въ христіанско-церковномъ воззрѣніи на предѣлы и условія повторяемости брака, одинаково свободномъ какъ отъ чрезмѣрной суровости аскетическаго ригоризма, такъ и отъ излишней уступчивости житейско-практическимъ интересамъ, коренящимся въ личныхъ человѣческихъ слабостяхъ или вѣковыхъ общественныхъ предразсудкахъ. Основу этого воззрѣнія составляетъ уже извѣстное намъ, раскрытое выше, понятіе о супружествѣ, какъ полномъ и всестороннемъ единеніи двухъ человѣческихъ личностей, имѣющемъ свой высокій нравственный образецъ въ союзѣ Христа съ церковью. Такое единеніе не можетъ быть признано одинаково осуществимымъ при первомъ, „дѣвственномъ о Господѣ“ бракѣ и любовію изъ послѣдующихъ. Утверждая противное, нужно было бы не только отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія сейчасъ указанной аналогіи ¹⁾, но и стать въ прямое проти-

языческа классическая древность знала нѣкоторыя ограниченія религіозной правоспособности второбрачныхъ, аналогичныя церковнымъ постановленіямъ о недозволительности второго брака священнослужителей. Такъ, второбрачные не могли быть жрецами божества, именуемаго *Fortuna muliebris*; pontifices maximi и flamines должны были также обязательно быть единобрачными (*Rosbach*, *o. c.*, S. 140; *E. Klee*, *Die Ehe, eine dogmatisch—archäologische Abhandlung*, S. 21. Mainz 1835).

¹⁾ Уподобленіе брака союзу Христа съ церковью нерѣдко служитъ у христіанскихъ писателей основаніемъ для заключеній о его неповторяемости. Такъ, св. Григорій назіанз., разсуждая (въ словѣ 37) объ изреченіи апостола: „тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь“, говоритъ: „Мнѣ кажется, что это изреченіе не даетъ мѣста второму браку. Ибо если два Христа, то и два мужа, двѣ и жены, а если одинъ Христосъ, одна глава церкви, то и одна плоть, а всякая другая да будетъ отринута. Если же возбравяетъ второй (бракъ), то что сказать о третьемъ?“ (Творенія св. Григорія наз. въ р. перев., ч. III, стр. 220; соотв. мѣсто греч. подл.—у *Migne*, *Patr. lat. t. XXXVI, col. 292*). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что ссылка на примѣръ Христа и церкви въ этомъ и другихъ подобныхъ изреченіяхъ древне-христіанскихъ писателей имѣетъ въ виду не столько установленіе числа дозволенныхъ браковъ, сколькоясненіе нравственной природы супружества, какъ совершеннѣйшаго внутренняго единства. Здѣсь именно лежитъ истинный центръ тяжести указанной аналогіи; и поскольку супружескій союзъ, будетъ ли онъ первый, второй или третій, способенъ осуществить въ себѣ это духовное единство, постольку онъ и могъ мыслиться приближающимся къ своему высочайшему образцу. Что

ворѣчіе съ требованіемъ здороваго естественнаго чувства, просвѣтленнаго христіанскимъ сознаніемъ. Только супружескій союзъ лицъ, не знавшихъ до него иного сопряженія, способенъ, по естественно-психологическимъ причинамъ, соединить въ себѣ наиболѣе благопріятныя условія для того, что-бы развиться въ истинное подобіе своего священнаго первообраза, и только при вѣрности овдовѣвшаго супруга разъ даннымъ обѣтамъ осуществляется идеаль истинно-христіанской любви, не прекращающейся и со смертью того, кто былъ дорогимъ и близкимъ при жизни ¹⁾. Вотъ гдѣ источникъ въ общемъ всегда неблагоклоннаго отношенія къ повторнымъ бракамъ, засвидѣтельствовааннаго многочисленными памятниками христіанской письменности, начиная съ посланій апостольскихъ (напр. 1 Кор. VII, 7—9 и др.) и продолжая нравственно-аскетическими твореніями представителей церковной мысли въ послѣдующіе вѣка. Обиліе и настойчивость содержащихся въ нихъ наставленій, имѣющихъ цѣлью предотвратить возможность такихъ браковъ въ христіанской средѣ, выразительно свидѣлствуютъ о существованіи здѣсь прочно установившагося взгляда на нихъ, какъ на отклоненіе отъ идеальной нормы христіанскаго супружества. Но неуклонно развиваемый и поддерживаемый въ качествѣ нравственнаго тезиса, взглядъ этотъ не могъ быть проводимъ церковью въ жизнь ея членовъ со всею неумо-

---

эта мысль не была совершенно чужда древне-церковному сознанию, видно изъ того, что самый союзъ Христа съ церковью у одного изъ древнихъ отцовъ (св. Иларія пуатьес.) представляется, какъ аналогія союзу *второбрачныхъ*. Вотъ его слова: Viduam, quae a lege sit liberata, beatus Paulus transire ad nuptias alterius sine adulterii crimine docuit: inde exemplum omnem ad ecclesiam, qua legis se mortua Christo postea sociaret, aptavit (Tract. in Psal. 57, n. 7.—*Migne, Patr. lat.* t. IX, col. 446—447; см. еще tract. in Psal. 131, n. 24,—*ibid.* col. 742—743).

¹⁾ Въ житіи блаж. Макрины, составленномъ св. Григоріемъ нисскимъ, повѣствуется, что она, побуждаемая родителями, послѣ смерти жениха, избрать себѣ другого, отвѣчала на это рѣшительнымъ отказомъ, указывая на то, что неприлично и незаконно не уважать разъ сдѣланнаго выбора, такъ какъ *бракъ по естеству есть одинъ*, какъ одно рожденіе и одна смерть; при томъ же и прежній скончавшійся женихъ „живъ у Бога въ надеждѣ воскресенія“,—онъ только какъ бы удалился на время, и было бы безразсудно не соблюсти вѣрности отсутствующему (Творенія св. Григорія нисск., ч. VIII, стр. 334, М. 1871; греч. текстъ у *Migne, Patr. gr.* t. XLVI, col. 964).

лимостью общеобязательнаго закона ¹⁾), встрѣчая ограниченіе себѣ въ справедливомъ требованіи снисхожденія къ человѣ-

¹⁾ Безусловно отрицательное отношеніе къ повторяемости браковъ, не согласное съ апостольскими наставленіями (Римл. VII, 3; 1 Кор. VII, 8—9; 39—40; 1 Тим. V, 14 и др.) и вытекавшее изъ слишкомъ низменнаго, односторонняго пониманія сущности супружескаго полоубженія, была свойственъ въ древности лишь сектамъ монтанистовъ и новатіанъ (*Binghami* о. с. vol. IX, p. 279—282), считавшихъ *iterala conjugia* за прелюбодѣяніе и налагавшихъ на всѣхъ, чей бракъ расторгнуть хотя бы и смертью другого супруга, требованіе обязательнаго безбрачія. Въ противоположность имъ церкви, одобряя въ своихъ членахъ воздержаніе отъ новаго брака по прекращеніи перваго, смотрѣла на воздержаніе, какъ на дѣло личной свободы (см. *Епифанія* Haeres. 48, с. 9,—*Migne, Patr. gr. t. XLI, col. 868—869*) и, порицая сектантскій ригоризмъ, требовала отъ присоединяющихся новатіанъ, чтобы они, отрекаясь отъ своихъ заблужденій, давали письменное обѣщаніе во всемъ слѣдовать опредѣленіямъ каволической церкви и, между прочимъ, не уклоняться отъ общенія съ двоеженцами (1 Всел. соб. пр. 8). Рѣзкое уклоненіе отъ указаннаго сейчасъ церковнаго взгляда на этотъ предметъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ *Тертулліана* (напр. *De monogamia* с. 10,—*Migne, Patr. lat. t. II, col. 992—993*), находитъ себѣ объясненіе въ увлеченіи его идеями монтанизма. Правда, и изъ числа церковныхъ писателей древне-христіанской эпохи можно указать нѣсколькихъ, у которыхъ встрѣчаются весьма неблагопріятныя сужденія даже о второмъ бракѣ (см., напр., *Авинагора* Legat. pro christ., с. 33,—*Corp. apologet. ed. Otto, t. VII, p. 172*; р. перев. *свящ. Преображенскаго* въ Соч. древн. христ. апологетовъ, стр. 118, М. 1867), не говоря уже о послѣдующихъ, при чемъ, вопреки мнѣнію западныхъ ученыхъ (*Binterim, Die vorzügl. Denkwürdigkeiten der christ-katholisch. Kirche, Bd. VI, Th. 1, S. 331—335, Mainz 1838; Zhishman, о. с., S. 407—408*), не проводится послѣдовательнаго разграниченія между случаями прекращенія прежняго брака смертью одного изъ супруговъ или разводомъ. Но что въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ общецерковнымъ воззрѣніемъ извѣстной эпохи, а лишь съ частными взглядами отдѣльных лицъ, не трудно убѣдиться изъ сопоставленія такихъ заявленій съ другими, выражающими иной взглядъ, и при томъ вполне согласный съ наставленіями апостольскими. „Сочетавшіеся первымъ бракомъ—говоритъ, напр., св. *Кириллъ іерус.* въ своемъ IV огласит. поученіи (гл. 26)—да не унижаютъ вступившихъ во второй бракъ. Воздержаніе—дѣло прекрасное и достойное удивленія, но извинительно вступить и во второй бракъ, чтобы немощнымъ не жить блудно“ (*Migne, Patr. gr. t. XXXIII, col. 488—489*; р. перев. въ Твор. св. Кирилла, архіепа іерус., изд. 2-е, стр. 57, Серг. Пос. 1893). По словамъ *Климентя алекс.*, признаваемаго за норму христіанскаго супружества союзъ первобрачныхъ (см. *Strom. II, с. 23,—Migne, Patr. gr. t. VIII, col. 1085; cf. Strom. III, с. 11,—ib. col. 1173*), и вступающій во второй бракъ „не грѣшитъ по закону“ (*οὐχ ἁμαρτάνει μὲν κατὰ διαθήκην*), а только „не выполняетъ усиленнаго совершенство-

ческой природѣ, способной испытывать вновь чувство любви и искать новой привязанности послѣ того, какъ распался существовавшій ранѣе брачный союзъ. Идти наперекоръ естественнымъ запросамъ этого рода, противопоставляя имъ безусловное требованіе единобрачія, во многихъ случаяхъ значило бы подвергать непосильному искушенію человѣческое несовершенство и отдавать его въ жертву невоздержанія, находящаго себѣ удовлетвореніе во внѣбрачныхъ связяхъ. Отсюда вполне понятнымъ становится раскрываемый древне-христіанскими писателями церковно-аскетическій взглядъ на повторяемость брака, какъ на *πορνείας παράμυθιον*—предохранительное средство противъ полового невоздержанія ¹⁾. Но *многократное* обращеніе къ „врачевству“, конечно, свидѣтельствовало бы о крайне нездоровомъ нравственномъ состояніи, не соотвѣствующемъ достоинству христіанина, и потому естественно не могло встрѣтить сочувствія и одобренія себѣ со стороны церкви. „Non prohibemus secundas nuptias, sed non probamus saepe repetitas“ ²⁾—вотъ общая древне-церковная точка зрѣнія на послѣдовательное многобрачіе, соотвѣтственно которой представители церковной власти, заботясь о „подобающемъ христіанской жизни благоприличіи“, настойчиво стремились къ тому, чтобы насколько возможно ограни-

---

ванія жизни по евангелію“ (*οὐ πληρεῖ δὲ τῆς κατὰ τὸ εὐαγγέλιον πολιτείας τῶν κατ' ἐπίτασιν τελειώθητα*),—Strom. III, с. 12 (*Migne, Patr. gr. t. VIII, col. 1184*). Ср. еще *Оригена* in Hierem. homil. XIX, n. 4 (*Migne, ib. t. XIII, col. 508*) и in Luc. homil. XVII ad fin (ibid. col. 1846—1847), св. *Иоанна Злат.* Homil. XV in Tim. V, 11—15, n. 1 (*Migne, ib. t. LXII, col. 579*), *Амфилохія иконійск.* Orat. de occursu Domini, с. 7 (*Migne, ib. t. XXXIX, col. 55*) и др.

¹⁾ *Св. Вас. В.* пр. 87; ср. „remedium incontinentiae“ и „solatium miseriae“ у бл. *Иеронима* въ Ep. 48 ad Pamach. n. 14, 18—*Migne, Patr. lat. t. XXII, col. 505* и 508; р. перев. въ Творен. бл. *Иеронима*, изд. Киевск. дух. акад., ч. 2-я, стр. 36. Та же самая мысль, только въ другихъ выраженіяхъ, высказана этимъ авторомъ въ Ep. 79 ad Salvinam, с. 10, гдѣ разъясняется, что апостоль, разрѣшая (въ 1 Кор. VII, 9) овдовѣвшимъ вступать въ новый бракъ, если не могутъ хранить воздержанія, имѣеть въ виду non stantibus cogitat, sed jacentibus manum porrigere (*Migne ib. col. 732*; р. перев. въ цит. изд., стр. 346). Ср. мѣста изъ другихъ церк. писателей, указанныя въ концѣ предыдущ. примѣчанія.

²⁾ *Амросія медіол.* De viduis, с. 11,—*Migne, Patr. lat. t. XVI, col. 268*; р. перев. въ цит. изданіи твореній назв. св. отца по вопросу о бракѣ и дѣвствѣ, стр. 98.

чить повторяемость браковъ. Въ особенности это нужно сказать относительно церкви восточной ¹⁾, взглядъ которой на этотъ предметъ нашелъ себѣ довольно полное и точное выраженіе въ слѣдующихъ словахъ „Апостольскихъ Постановленій“ (кн. III, гл. 2): „Вы должны знать, что единобрачіе, бывающее по закону, правильно, какъ согласное съ волей Божіей; второбрачіе послѣ объта (чистаго вдовства) незаконно—не само по себѣ, а вслѣдствіе невѣрности (данному объту); троебрачіе—знакъ невоздержанія; сверхъ же третьяго брака—

¹⁾ Что касается западной половины христіанскаго міра, то здѣсь, въ противоположность аскетической тенденціи востока, съ раннихъ поръ устанавливается, въ несомнѣнной зависимости отъ нравственныхъ традицій и юридическихъ нормъ, унаслѣдованныхъ изъ до-христіанской эпохи, болѣе снисходительное воззрѣніе на повторяемость христіанскаго брака. Выраженіе такого воззрѣнія мы находимъ, напр., у того же *бл. Іеронима*, принципиальный взглядъ котораго на сравнительное достоинство перваго и послѣдующихъ браковъ намъ уже извѣстевъ. По его словамъ, „церковь не осуждаетъ ни вторыхъ, ни третьихъ браковъ, и точно такъ же позволяетъ выходить замужъ за пятаго, шестого и т. д. мужа, какъ и за второго... Не осуждаю—продолжаетъ онъ—вторыхъ, ни третьихъ, даже, если можно сказать, осьмыхъ браковъ: пусть нная приметъ и осьмого мужа, только бы перестала любодѣйствовать“ (Ер. ad Rammach. с. 18.—*Migne*, Patr. lat. t. XXII, col. 508; р. перев. по цит. изд. ч. 2, стр. 42—43. Ср. еще замѣчат. разсказъ того же *бл. Іеронима* въ письмѣ его къ Агерухіи,—*Migne*, ib. col. 1052). Подобныя же сужденія встрѣчаемъ и у другого авторитетнаго учителя западной церкви, *блж. Августина*, въ его трактатѣ *De bono viduitatis* (с. 12): основываясь на томъ, что апостолъ предоставляетъ женѣ по смерти мужа (безъ обозначенія—какого: перваго, второго и т. д.) свободу вступать въ новое супружество, а также на нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ священнаго писанія, онъ признаетъ дозволятельнымъ, чтобы *quoties voluerit, viris mortuis, nubat femina*, и не рѣшается, боясь противорѣчія съ писаніемъ, осуждать какой бы то ни было бракъ (*Migne*, Patr. lat. t. XL, col. 439—440). Позднѣйшія свидѣтельства показываютъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ частными и исключительными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ, а съ господствующимъ воззрѣніемъ христіанскаго запада, неизмѣнно удержавшимся здѣсь на пространствѣ многихъ вѣковъ (судя по указаніямъ западныхъ пенитенціаловъ, напр. *Евфодора кентерберійскаго* и др., опредѣляющихъ епитиміи вступившимъ въ четвертый, пятый и шестой бракъ, *vel plus, безъ расторженія этихъ браковъ*,—см. *Vering's Lehrbuch des Kirchenrechts*, 3-е Aufl., S. 913), вплоть до настоящаго времени. На востокѣ снисходительность къ послѣдовательному многобрачію никогда не достигалась такъ далеко, хотя и здѣсь предѣльная норма (третій бракъ), какъ увидимъ ниже, установилась въ законодательномъ порядкѣ не сразу.

явный блудъ и очевидное любострастіе“¹⁾. Болѣе подробное раскрытіе получилъ этотъ взглядъ въ цѣломъ рядѣ каноническихъ опредѣленій, доселѣ сохраняющихъ за собою значеніе нормъ дѣйствующаго права православной церкви. Какъ видно изъ этихъ опредѣленій, церковь, согласно наставленію апостола, не закрывая для вдовствующихъ лицъ возможности вступать въ новый бракъ, тѣмъ не менѣе отдавала явное предпочтеніе обречь себя на воздержаніе и не только устраняла второбрачныхъ отъ полученія священнаго сана²⁾, но и налагала на нихъ очистительную епитимію

1) Приводимъ и подлинный текстъ указаннаго мѣста въ виду трудности передать его по - русски безъ сдѣланныхъ въ скобахъ поясненій: *Καὶ τοῦτο γὰρ εἶδέναι ἀφείλετε, ὅτι μονογαμία μετὰ νόμον γινόμενη, δικαία, ὡς ἂν κατὰ γνώμην Θεοῦ ὑπάρχουσα· διγαμία δὲ μετὰ ἐπαγγελίαν παράνομον, οὐ διὰ τὴν συνάφειαν, ἀλλὰ διὰ τὸ ψεῦδος. τριγαμία δὲ, ἀκρασίας σημεῖον, τὸ δ' ἕτερον τὴν τριγαμίαν, προφανῆς πορνεία καὶ ἀσελγεία ἀναμφίβολος* (Pitra, Juris eccles. graec. hist. et. mon. t. I. p. 225).

2) Основаніе для такого устраненія дано въ апостольскихъ наставленіяхъ (1 Тим. III, 2, 12; Тит. I, 5—6) о томъ, что посвящаемый въ санъ епископа, пресвитера или діакона долженъ быть „мужемъ одной жены“ (*μῆς γυναῖκος ἀνὴρ*). Принимаемое нѣкоторыми истолкованіе даннаго выраженія въ смыслѣ отрицательнаго указанія на настоящую полигамію, какъ препятствіе къ вступленію въ разрядъ священнослужачихъ лицъ, представляется на нашъ взглядъ рѣшительно неудобопріемлемымъ какъ по несоотвѣтствію съ аналогичнымъ ограниченіемъ касательно зачисляемыхъ въ чинъ церковныхъ „вдовицъ“ (*υγεγυῖα ἐνὸς ἀνδρός γυνή*,—1 Тим. V, 10), такъ и, въ особенности, въ виду сказаннаго раньше (стр. 279—284) объ изначальной недопустимости многоженства въ христіанскомъ мірѣ вообще, а не для однихъ только лицъ духовныхъ (сн. Полянского П. Первое посланіе св. ап. Павла къ Тимоѳею, опытъ историко-эксегетическаго изслѣдованія, стр. 356—361, Серг. Пос. 1898). Каноническое право церкви въ своихъ положительныхъ предписаніяхъ, примыкающихъ по содержанію къ указаннымъ наставленіямъ, даетъ распространительный комментарий послѣднихъ, устраняя отъ занятія высшихъ священныхъ должностей не только дѣйствительно имѣвшихъ по крещеніи, одну за другою, двухъ женъ (ап. пр. 17; св. Вас. В. пр. 12), но и тѣхъ, чьи браки представляютъ лишь аналогію послѣдовательной бигаміи по дѣйствительному или съ вѣроятностію предполагаемому сожителству ихъ женъ ранѣе съ другими мужчинами (см. ап. пр. 18 съ толкованіями на него Зонары и Вальсамона—въ *Σύντ. Ραλλι* и *Ποτλι*, т. II, стр. 25—26; р. перев. въ Правилахъ св. апост. съ толкованіями, изд. Моск. Люб. Дух. Просвѣщ., стр. 33—34, М. 1887). Ср. многочисленныя свидѣтельства о томъ же древне-христіанскихъ писателей—у *Bingham'a*, о. с. vol. II, p. 153—158, Nalae 1725. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что данное ограниче-

(анкир. соб. пр. 19). Тѣмъ болѣе, разумѣется, подвергались этой послѣдней *οἱ πλείστοις ὑμῶν περιλιπότες* (неокес. пр. 3),

ніе церковной правоспособности не всегда и не вездѣ признавалось безусловно обязательнымъ: какъ видно изъ письма *блаж. Θεοδορίτα* къ антиох. патріарху Домну, въ восточной церкви бывали случаи поставленія второбрачныхъ даже въ епископскій санъ (см. *Migne, Patr. gr. t. LXXXIII, col. 1305—1306*), не говоря уже о двухъ остальныхъ іерархическихъ степеняхъ (фактическія указаанія, относящіяся къ нимъ, см. у *Zhishtan'a, o. s., s. 419—440* и въ статьѣ *Π. Θεοφιλοῦ*—„Больной вопросъ“ въ Церк. Вѣстн. за 1906 г., № 15, ст. 472). Безъ сомнѣнія, это были лишь частныя отклоненія отъ общецерковнаго порядка, установленнаго вышеуказанными правилами; но что фактическія нарушенія его не были чрезвычайною рѣдкостью въ отдаленныя отъ насъ времена, можно видѣть, между прочимъ, и изъ того, что являлась надобность въ неоднократно подтвержденіи этого порядка авторитетомъ государственной власти (см. юстиніан. Nov. VI, с. 1, § 3; той же нов. с. 5; Nov. CXXXIII, с. 12; Nov. CXXXVII, с. 1), содѣйствіе которой не избавило, все-таки, самихъ церковныхъ дѣятелей отъ необходимости и впродъ считаться съ тѣми же нарушеніями строгихъ каноническихъ требованій. Почти то же самое нужно сказать и по оживленно дебатлируемому за послѣднее время въ нашей духовной литературѣ вопросу о дозволительности вдовымъ священнослужителямъ вступать въ новый бракъ (см. сводъ мнѣній объ этомъ предметѣ—въ Правосл. Путеводителѣ за 1906 годъ, т. I, стр. 760—766, 854—869; т. II, стр. 66—79, 145—155, 214—221 и д.). Въ строгомъ соответствіи съ буквой церковныхъ канонѳвъ, запрещающихъ вступленіе послѣ хиротоніи даже и въ первый бракъ (ап. пр. 26; неокес. пр. 1; трул. соб. пр. 6; св. Апост. Постан. кн. VI, гл. 17—у *Pitra, o. s., t. I, p. 325*), и съ общей аскетической тенденціей въ отношеніи къ девтерогаміи отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь отрицательный (см. 3-е пр. трул. соб. съ толков. Аристина—въ *Σύγρ. t. II, p. 314—315*; р. перев. въ Пр. св. всел. соб. съ толкованіями, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., ч. 2, стр. 457—458). Поадыѣшіе византійскіе канонисты—комментаторы, усвоивъ указанную сейчасъ точку зрѣнія, въ послѣдовательномъ развитіи ея идутъ такъ далеко, что признають недопустимымъ второй бракъ священниковъ даже и въ случаѣ снятія ими сана, ибо не позволительно имъ „единожды освященныя тѣла свои осквернять (?) вторымъ бракомъ“ (толков. Вальсамона на 44 пр. св. Василия В.,—въ изд. Общ. Люб. Дух. Просв. стр. 297). Но древняя практика церкви знаетъ и здѣсь фактическія отклоненія отъ установленной нормы, которыя могли бы быть указаны, какъ историческій прецедентъ, тѣми, кто думаютъ, что установленіемъ большей снисходительности къ человѣческимъ немощамъ въ наши дни церковь могла бы „преуспѣть на лучшее“.—О второбрачій, какъ препятствіи къ рукоположенію въ священныя степени (или—по терминологіи католическаго церковнаго права—*irregularitas sacramenti*), кромѣ болѣе или менѣе краткихъ указааній въ курсахъ церковнаго права и довольно обстоятельныхъ—въ неоднократно процитованномъ выше

т. е. вступившіе въ третій бракъ (см. Вас. В. пр. 4), при чемъ продолжительность покаянія естественно удлинялась сообразно возрастающей степени отклоненія отъ идеальной нормы христіанскаго супружества ¹⁾. Не менѣе характернымъ

трудъ *Zhishman'a* (с. 416—433), специально трактуютъ *Müller—De bigamia, irregularitatis fonte et causa* (dissert. inaug.), Vratisl. 1868 и *Sachsse—Die Lehre vom defectus sacramenti*, Berl. und Leipzig., 1881.

¹⁾ Продолжительность эпитиміи за второбрачіе, по-видимому, первоначально не была опредѣлена съ точностію, какъ можно судить на основаніи I пр. лаодикійскаго собора: здѣсь правильно (*ἐλευθέρως, καὶ νομίμως*) вступившихъ во второй бракъ предписывается принимать въ общеніе „по прошествіи *непродолжительнаго* времени и по упражненіи въ молитвахъ и постѣ“, при чемъ есть даже возможность полагать, что имѣются въ виду не опредѣленные формы *публичнаго* покаянія, а лишь нѣкоторыя сверхобычныя благочестивыя упражненія, предписываемыя иногда въ древнихъ церковныхъ правилахъ и пенитенціалахъ вступающимъ и въ первый бракъ (см. *Binterim*, о. с. Bd. VI, Th. 1, S. 359—360). Впрочемъ, уже и въ этомъ правилѣ (въ словахъ: *κατὰ τὸν ἐκκλησιαστικὸν κανόνα*) можно, кажется намъ, усматривать нѣкоторый намекъ на устанавливавшуюся тогда (около половины IV вѣка) въ церковной практикѣ твердую норму отношеній къ второбрачнымъ, становящимся вскорѣ потомъ въ ряды публично кающихся. Явились и болѣе точныя опредѣленія „непродолжительнаго времени“ ихъ покаянія. По словамъ св. Василія В. (пр. 4), въ его время, т. е. въ 70-хъ годахъ того же IV в., одни отлучали второбрачныхъ на годъ, а другіе на два; самъ св. отецъ склонялся, по-видимому, въ сторону большей нормы, насколько можно судить по опредѣленію у него эпитиміи за троebraчіе. На послѣднее, по строгому взгляду древней восточной церкви, нашедшему себѣ выраженіе въ каноническихъ правилахъ того же св. Василія, „вѣтъ закона“, почему и случаи вступленія въ третій бракъ разсматриваются здѣсь, какъ „нечистоты въ церкви“ (*ρυψάσματα τῆς ἐκκλησίας*—Василія В. пр. 50). Однако, по снисхожденію къ человѣческой немощи, и третій бракъ не былъ воспрещенъ совершенно, какъ союзъ все же лучший, чѣмъ распутное любодѣяніе, и вступившіе въ него не подвергались „всенародному осужденію“ (т. е. расторженію ихъ сожителства, по толкованію Вальсамона.—см. Правила св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 312. М. 1884), Но, разумѣется, они должны были, подобно второбрачнымъ, пройти извѣстный путь покаянія, продолжительность котораго увеличивалась „по соразмѣрности“: во времена св. Василія В. троebraчныхъ отлучали на три, а иногда и на четыре года, самъ же онъ, слѣдующе также обычаю и примѣру предшественниковъ, находилъ справедливымъ назначать въ этомъ случаѣ пятилѣтній срокъ эпитиміи (т. е. высшую норму, откуда слѣдуетъ заключить, что и для второбрачныхъ, „по соразмѣрности“, нормою покаянія признавалась имъ двухлѣтняя, а не одностолѣтняя эпитимія). При этомъ отбывающіе покаяніе въ первые два или три года допускались лишь къ слушающей писаній, а потомъ и къ

показателемъ неблагоклоннаго взгляда церкви на второй и третій бракъ является и вѣковая практика касательно способа ихъ установленія, не тождественная съ той, которая примѣнялась къ союзу первобрачныхъ ¹⁾. Что касается, затѣмъ, дальнѣйшаго „многобрачія“ ²⁾, переступавшаго мѣру церковной снисходительности, то примѣненіе къ нему 80-го правила св. Василія В. указывало виновному быть единолѣтно плачущимъ, три лѣта припадающимъ, и уже только потомъ—по истеченіи извѣстнаго, опредѣляемаго усмотрѣніемъ духовника, времени пребыванія въ разрядѣ слушающихъ и въ общемъ стояніи съ вѣрными, но безъ права участія въ евхаристіи—открывало вновь доступъ къ церковному общенію ³⁾. Самая возможность возстановленія своей церковной правоспособности указаннымъ путемъ для впавшихъ въ грѣхъ послѣдовательнаго „многобрачія“ необходимо обусловливалась тѣмъ, что они прежде всего—„оставяютъ гнусное дѣло и расторгнуть незаконный бракъ“ ⁴⁾.

стоянію съ вѣрными во все продолженіе церковной службы, только безъ права „пріобщенія святыни“ (пр. 4). Послѣднія замѣчанія указываютъ на важную пережѣну, происшедшую въ пенитенціальной практикѣ со времени лаодикійскаго собора: лица, подвергаемыя эпитиміи за вступленіе въ третій и второй бракъ, ставятся въ опредѣленные разряды кающихся и проходятъ опредѣленные ступени публичнаго покаянія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ эти каноническія опредѣленія о продолжительности церковнаго покаянія второбрачныхъ и троебрачныхъ, какъ и всѣ вообще указанія касательно сроковъ эпитиміи, не отличались характеромъ безусловной обязательности и имѣли больше формальное, чѣмъ практическое значеніе, подвергаясь сокращеніямъ въ силу общаго права диспенсаціи по вниманію къ душевному настроенію кающагося и еще больше—къ измѣнившимся требованіямъ жизни (см. подробное разъясненіе этого въ 120 пр. тул. соб. и въ номоканонѣ, носящемъ на себѣ имя ц. Іоанна Постника,—*проф. А. С. Павловъ*, Номоканонъ при Большомъ Третьяковѣ, изд. 2-е, стр. 18—28, М. 1897).

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ „О вторыхъ и третьихъ бракахъ въ православной церкви“ (Богосл. Вѣстн. за 1902 г., окт., стр. 149—168).

²⁾ О значеніи этого названія въ примѣненіи къ послѣдовательнымъ бракамъ см. у *Милованова*, цит. соч. стр. 116—117.

³⁾ Такъ понимаемъ мы опредѣленіе св. отца относительно срока эпитиміи за „многобрачіе“, слѣдуя авторитетному руководительству знаменитыхъ комментаторовъ—Зонары и Вальсамона (см. Прав. св. оо. съ толков., изд. Моск. Общ. Любит. Дух. Просв., стр. 365—366).

⁴⁾ Толкованіе Аристіана на 80 пр. св. Василія В.,—тамъ же, стр. 356.

Возрѣніе на повторяемость христіанскаго брака, настойчиво проводимое въ жизнь церковью, не осталось чуждымъ и законодательству византійскихъ императоровъ, развившемуся на основѣ до-христіанскаго римскаго права, но подъ постояннымъ и сильнымъ вліяніемъ церкви. Вліяніе это въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, должно было обнаружиться постепеннымъ преобразованиемъ юридическихъ опредѣленій, сложившихся въ періодъ господства иныхъ, чуждыхъ христіанскому аскетизму, нравственныхъ понятій и идеаловъ. Хотя, какъ мы видѣли, древнему міру и не была совершенно чуждою мысль о моральномъ превосходствѣ воздержанія послѣ перваго брака надъ вступленіемъ въ послѣдующіе, тѣмъ не менѣе эта мысль не имѣла здѣсь большаго практическаго воздѣйствія, и римское право до-христіанской эпохи допускало не только второй и третій, но и дальнѣйшіе браки безъ ограниченія ихъ числа, съ соблюденіемъ только извѣстнаго промежутка между прежнимъ и новымъ супружествомъ при нѣкоторыхъ случаяхъ развода и съ запрещеніемъ овдовѣвшей женѣ вступать въ новый бракъ прежде, чѣмъ истечетъ узаконеніе *tempus lugendi*, въ случаѣ прекращенія брака смертію мужа¹⁾. Такое отношеніе къ повторяемости брака стояло въ очевидномъ разладѣ съ взглядомъ на тотъ же предметъ, твердо установившимся, какъ мы видѣли, преимущественно въ восточной, болѣе силь-

¹⁾ Указанное замедленіе возможности для жены вступить въ новый бракъ имѣло единственною цѣлью—предотвратить *turbatio sanguinis* и потому въ своей продолжительности соразмѣрялось съ наибольшимъ срокомъ беременности (10 мѣсяцевъ), принятымъ въ римскомъ правѣ. Такой именно смыслъ даннаго ограниченія ясно открывается изъ того, что вдова, оставшаяся беременной послѣ смерти мужа и родившая ранѣе указаннаго срока, могла не только обручиться, но и вступить въ новый бракъ, не дожидаясь истечения *temporis lugendi* (*проф. Загурскій*, Ученіе о законорожд., стр. 35; *его же* Ученіе объ отцовск. власти, стр. 44). Что касается овдовѣшаго мужа, то онъ считался *caelebs* со дня смерти жены и могъ хоть тотчасъ же вступить въ новый бракъ. До какой степени при этомъ была чужда правовому сознанію мысль о какомъ либо понужденіи къ безбрачію послѣ наступившаго вдовства, можно судить по тому, что законодательствомъ Августа (вышеуц. *l. Julia et Papia Poppaea*) бездѣтные вдовцы даже обязывались вступать въ новый бракъ, если желали избѣгнуть невыгодныхъ послѣдствій бездѣтности и безбрачія (*проф. К. ф.—Уилларжъ*, Учебникъ институцій, стр. 296—297).

ной и вліятельной половиной древне-христіанскаго міра, и потому не удивительно, если уже въ законодательствѣ первыхъ христіанскихъ императоровъ мы встрѣчаемся съ опредѣленіями, въ которыхъ замѣтна тенденція перенести церковную точку зрѣнія на второбрачіе и въ область гражданскихъ законовъ. Тенденція эта обнаруживается, съ одной стороны, въ сокращеніи числа законныхъ основаній для развода ¹⁾, чѣмъ сама собою сокращалась и возможность повторенія браковъ, съ другой—въ усиліяхъ отодвинуть возможно дальше послѣдующій бракъ отъ предыдущаго и затруднить доступъ къ нему для овдовѣвшей половины брачной четы ²⁾. Однако ни въ императорскихъ конституціяхъ, вошедшихъ въ юстиніановскій Codex, ни даже въ новеллахъ самого императора Юстиніана и его ближайшихъ преемниковъ мы еще не находимъ прямыхъ ограничительныхъ постановленій относительно дозволеннаго числа послѣдовательныхъ бра-

¹⁾ Объ этомъ болѣе подробно будетъ сказано далѣе.

²⁾ Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить прежде всего измѣненіе продолжительности и значенія *temporis lugendi*. Конституція имп. Граціана, Валентиніана и Θεодосія, изданная въ 381 г., узаконяетъ полный, 12-мѣсячный *annus luctus*, признавая при томъ же и этотъ срокъ слишкомъ короткимъ (I. 2 Cod. V, 9). Очевидно, прежній мотивъ относительно *turbatio* отступаетъ здѣсь совсѣмъ на задній планъ, уступая мѣсто новому—необходимости для вдовы если не полного, то возможно болѣе продолжительнаго воздержанія отъ вступленія въ новый бракъ. На ряду съ этимъ императорскія узаконенія, относящіяся къ той же эпохѣ, подвергаютъ какъ женщину, такъ и мужчину, вступающихъ во второй бракъ, нѣкоторымъ имущественнымъ невыгодамъ, ограждая и поддерживая этимъ самымъ интересы дѣтей, прижитыхъ второбрачными супругами отъ перваго брака (см. Cod. Theodos. lib. III, tit. 8—9). Законодательство Юстиніана идетъ въ этомъ направленіи еще далѣе, вводя цѣлый рядъ новыхъ ограниченій имущественныхъ и наслѣдственныхъ правъ лицъ, вступающихъ во второй бракъ (I. 1 Cod. V, 9; Nov. XXII, 22 и др.) Однако и здѣсь эти ограниченія по прежнему вызываются желаніемъ оградить интересы первобрачныхъ дѣтей и едва-ли могутъ быть понимаемы какъ прямое отраженіе неблагоприятнаго взгляда на самое второбрачіе (*проф. Загурскій*, Ученіе о законорожд., стр. 35—42). Вліяніе такого взгляда можно усматривать только въ усвоенномъ юстиніановскимъ законодательствомъ изъ каноническаго права запрещеніи посвящать въ духовный санъ вдовца, вступившаго во второй бракъ, и мужчину, женатаго на вдовѣ (см. выше, стр. 288—290). За исключеніемъ этихъ, особенныхъ по своему религіозно-служебному положенію лицъ, повторительный бракъ для всѣхъ прочихъ не считался недозволённымъ.

ковъ. Не содержится такого постановленія и въ Эклогѣ, законодательномъ кодексѣ императоровъ-иконоборцевъ, хотя ея совершенное умолчаніе о третьемъ бракѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, открываетъ возможность двоякаго предположенія: или—что названный законодательный памятникъ оставляетъ въ полной силѣ ранѣе дѣйствовавшія узаконенія объ этомъ предметѣ, или наоборотъ, что Эклога, вполне принимая церковный взглядъ (и даже—прибавимъ—нѣсколько утрируя его), своимъ умолчаніемъ о третьемъ бракѣ желаетъ показать, что считаетъ его юридически-невозможнымъ ¹⁾. Вѣроятность послѣдняго предположенія, вполне соответствующаго общему духу и характеру узаконеній Эклоги по вопросамъ брачнаго права, находитъ себѣ подтвержденіе въ предпринятой всего черезъ полстолѣтіе съ небольшимъ (ок. 800 г.) законодательной попыткѣ имп. Ирины сдѣлать безусловно недозволеннымъ на будущее время третій бракъ и слѣдующіе за нимъ ²⁾. На практикѣ, правда, и послѣ того еще продолжали встрѣчаться случаи даже четвертаго брака; но въ области гражданскаго правосознанія отрицательное отношеніе къ нему упрочилось уже настолько, что этимъ не могли не считаться, при предпринятомъ ими всестороннемъ пересмотрѣ законодательства, императоры македонской династіи, стремившіеся по мѣрѣ возможности реставрировать основоположенія юстиніановскаго права. Четвертый бракъ не только не былъ ими признанъ дозволеннымъ но и прямо объявленъ подлежащимъ расторженію, дѣти отъ него—незаконными, а вступившіе въ такой бракъ—виновными наравнѣ съ осквернившими себя блудомъ. За то третій бракъ казалось возможнымъ дозволить вновь, и при томъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и второй (*ὅστε οὖν τὰ αὐτὰ διακρίαι προβαίνειν καὶ ἐπὶ τοῦ τρίτου συνοικεσίου, ὁλόβα καὶ ἐπὶ τοῦ δευτέρου*), т. е. съ примѣненіемъ одинаковыхъ гражданскихъ послѣдствій и оди-

¹⁾ Проф. Суворовъ Н. С. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ, стр. 278—279, Ярославль, 1884.

²⁾ *Ὅριζομεν παντὶ τρίτον συνοικεσίον καὶ ἐπέκεινα μὴ γίνεσθαι, ὡς ἀλλότρια τῆς θείας ἀποστολικῆς διατάξεως* (разумѣются изв. наставленія св. ап. Павла, говорящія о дозволенности второго брака и умалчивающія о третьемъ) *καὶ ξένα τῆς χριστιανικῆς ἀγχιστοίας* (*Zachariae. Jus graeco-roman., t. III, p. 60; то же въ Σύγγ. Ралли и Потли, т. V, стр. 252*).

наковой церковной епитиміи ¹⁾). Последнее, однако, не соответствовало каноническимъ опредѣленіямъ о томъ же предметѣ,

¹⁾ Proch. tit. IV, c. 25; слав. перев. въ Кормчей, цит. изд., л. 88 об.—89.—Это законоположеніе, какъ и пять сосѣднихъ главъ (22, 23, 24, 26 и 27) того же титула, содержащихъ въ себѣ постановленія по вопросамъ брачнаго права, признаются издателемъ Прохирона *Zachariae* (см. его примѣч. къ тексту указ. главъ въ цит. изд., р. 31, 33, 34) и его учеными изслѣдователями (см. *I. Mortreuil, Histoire du droit Byzantin, t. II, p. 31, Paris 1844; Бенеманскій М. И. О прѣдѣлѣ νόμος императора Василія Македонянина. Его происхожденіе, характеристика и значеніе въ церковномъ правѣ, вып. I, стр. 134—135, 138—139, 140—141, Серг. Пос. 1906*) за извлеченіе изъ новеллъ имп. Василія Македонянина, законодательной инициативѣ котораго обязанъ своимъ происхожденіемъ названный памятникъ. Указаніе на эти новеллы, какъ на одинъ изъ „источниковъ“ Прохирона, не только принимаетъ за несомнѣнный фактъ принадлежность перечисленныхъ главъ первоначальному составу памятника, но и намѣчаетъ совершенно опредѣленно цѣлый рядъ *болѣе раннихъ* частныхъ опытовъ законодательной дѣятельности перваго императора Македонской династіи, предшествующихъ если не самому началу, то, по крайней мѣрѣ, окончанію той кодификаціонной работы, плодомъ которой явился *О прѣдѣлѣ νόμος*. Не находя въ себѣ достаточной увѣренности для того, чтобы рѣшительно высказаться противъ установившагося мнѣнія, рѣшаемся, однако, заявить, что основанія его не кажутся намъ достаточно убѣдительными. Въ существѣ дѣла они сводятся къ тому, что а) каждый изъ двухъ основныхъ списковъ, какими воспользовался *Zachariae* для своего печатнаго изданія Прохирона (содержащаго и вышеуказанныя главы), по словамъ ученаго издателя, quippe prope ab eo tempore, quo Frochiron editum est, exaratus, genuinum fere Prochiri textum praestare videtur (prolegom. p. CCX); б) сами составители Прохирона въ предисловіи къ нему упоминаютъ о внесеніи въ этотъ законодательный сводъ новыхъ правовыхъ нормъ, неизвѣстныхъ прежнимъ законодателямъ (см. proem. § 1,—по изд. *Zachariae* p. 8; cf. prolegom. p. LXIII—LXIV; *Бенеманскій*, цит. соч., стр. 134); в) въ нѣкоторыхъ спискахъ Прохирона противъ занимающей насъ группы главъ имѣются помѣты, дающія право видѣть именно въ этихъ главахъ „новыя узаконенія“, прямо усвояемая схолиастами названному византійскому императору (*Бенеманскій*, тамъ же, стр. 135); наконецъ г) текстъ перечисленныхъ и нѣкоторыхъ другихъ главъ разсматриваемаго памятника буквально совпадаетъ съ законодательными постановленіями, изданными еще *Леумклавіемъ* (*Juris graecoromani t. I. p. 86—87; t. II. p. 134—135, Francofurti 1596*) съ именемъ Василія Македонянина. Но относительно того, дѣйствительно ли основные оригиналы печатнаго изданія *Zachariae* представляютъ genuinum fere Prochiri textum, пожалуй, можно и усумниться. Старшій по времени изъ имѣвшихся у него списковъ—Cod. Coisilanus 209. Допустимъ, что мнѣніе Мовфокона (*Montefaucon, Biblioth. Coisiliana, p. 267 sq., Paris 1715*), относя-

на что вскорѣ потомъ обратилъ вниманіе въ одной изъ своихъ новеллъ (XC) императоръ Левъ Мудрый, настаивая на болѣе

этого этотъ списокъ Прохирона къ X в., ошибочно, и что его можно, вмѣстѣ съ Дюкажемъ и самимъ Цахаріе, приписать saeculo IX exeuntі (*Zachariae*, o. c., prolegom. p. LVIII): и при такомъ опредѣленіи возраста—рукописи нѣтъ препятствій считать ее написанной уже при Львѣ Мудромъ (886—912 гг.), послѣ изданія имъ нѣкоторыхъ новеллъ (LXXXIX, XC и XCI), что, какъ увидимъ ниже, можетъ оказаться не лишенымъ значенія при попыткѣ разобраться въ вопросѣ о первоначальномъ составѣ и значеніи Прохирона. Что въ этомъ послѣднемъ, при самой обработкѣ того или другого титула его оффиціальными редакторами, могли найтись себѣ мѣсто нѣкоторыя новыя правовыя нормы, имѣющія свой юридическій источникъ въ законодательной инициативѣ родоначальника Македонской династіи, — въ этомъ нѣтъ причинъ сомнѣваться, равно какъ и въ томъ, что въ послѣднихъ главахъ IV титула мы имѣемъ дѣло, въ общемъ, съ новыми нормами, представляющими отклоненіе отъ традиціонныхъ положеній юстиніанова права. Но отсюда еще не слѣдуетъ само собою, что упомянутыя главы и представляютъ какъ разъ воспроизведевіе новеллъ имп. Василія, самый фактъ существованія которыхъ, помимо, б. м., не изначальнаго находенія ихъ въ Прохиронѣ, ничѣмъ авторитетно не засвидѣтельствованъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, придавать большое значеніе свидѣтельству позднѣйшихъ схоластовъ или ссылкамъ на изданіе Леуиклавія, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ представляется предположительное усвоеніе Василію Македонянину, въ качествѣ оффиціально опубликованныхъ имъ новеллъ, извлеченій изъ общезвѣстной теперь редакціи законодательнаго свода, написаннаго именемъ этого императора. Недаромъ самъ Цахаріе не рѣшился перевозить эти сомнительныя памятники византійскаго законодательства въ своемъ сборникѣ императорскихъ новеллъ (*Jus graeco-romanum*, pars III, Lipsiae 1857). Такая осторожность, думается намъ, находитъ вполне достаточное оправданіе себѣ въ томъ обстоятельстве, что главы Прохирона, признаваемые этимъ и другими исследователями за новыя узаконенія Василія Македонянина, *отсутствуютъ* въ другомъ законодательномъ сводѣ того же императора—*Ἐπιταγή τῶν νόμων* (*Zachariae*. *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum*. p. 55; cf. *ibid.* p. 106, not. 2. Lipsiae 1852), представляющемъ, какъ принято думать, новый пересмотръ и переработку (*hereditam graelectionem*) перваго. Едва-ли возможно объяснить сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ ту поистинѣ удивительную странность, что при повторномъ опытѣ кодификаціи, предпринятомъ по инициативѣ верховной власти, оказались устраненными тѣ самыя промы, которыя незадолго предъ тѣмъ заботливо проводились ею, будто бы, въ жизнь спеціальными постановленіями и закрѣплялись внесеніемъ ихъ въ оффиціально опубликованный энциридѳонъ дѣйствующаго права, — устраненными затѣмъ, чтобы чрезъ небольшой промежутокъ времени воскреснуть вновь въ новеллахъ сына василіева и соучастника въ его

строгомъ отношеніи къ третьему браку ¹⁾. Но самъ же законодатель и пошелъ первый наперекоръ своимъ узаконеніямъ, вступивши въ третій, а потомъ даже и въ четвертый бракъ. Возникшіе по этому поводу споры между двумя партіями, изъ которыхъ одна держала сторону императора, а другая, съ патріархомъ во главѣ, настаивала на общеобязательности церковныхъ каноновъ ²⁾, закончились только въ 920 г. такъ называемымъ актомъ соединенія (*ὁ τόμος τῆς ἐνώσεως*), составленнымъ на соборѣ и окончательно формулировавшимъ

законодательной дѣятельности, имп. Льва. Самый фактъ изданія этимъ послѣднимъ особыхъ узаконеній, по своему содержанію являющихся лишь простою репродукціей того, что уже было установлено его предшественниками, справедливо казался страннымъ для историковъ византійскаго права и не пересталъ быть таковымъ послѣ новѣйшей попытки объяснить его наивнымъ желаніемъ честолюбиваго законодателя „создать себѣ славу новатора и реформатора“ посредствомъ присвоенія чужихъ заслугъ (*Бенеманскій*, цит. соч., стр. 169). Все это невольно заставляетъ усумниться не только въ изданіи имп. Василиемъ особыхъ специальныхъ новеллъ, соответствующихъ указаннымъ выше и нѣкоторымъ другимъ главамъ Прохирона, но даже и въ установленіи соответствующихъ юридическихъ нормъ чрезъ официальное изданіе названнаго памятника. Не совсѣмъ невѣроятно, въ виду вышесказаннаго, что эти главы не принадлежатъ его первоначальной редакціи, а представляютъ позднѣйшее наслоеніе, имѣющее свой источникъ хотя бы въ тѣхъ же новеллахъ Льва. Если же не прибѣгать къ подобнаго рода догадкамъ, то выходъ изъ затрудненій останется, повидимому, только одинъ: нужно будетъ признать, вопреки общепринятому мнѣнію, что въ мнимыхъ новеллахъ Василія Македонянина, содержащихся въ первой редакціи его законодательнаго свода, мы имѣемъ лишь законодательныя предначертанія, не перешедшія въ дѣйствующее право, какъ и *весь Прохиронъ остался лишь обширнымъ законопроектомъ*, не успѣвшимъ получить официальной санкціи, такъ какъ была признана необходимость серьезнаго пересмотра, давшего въ результатъ Эпанагогу; законодательные же проекты Василія перешли по наследству къ его сыну Льву и дали матеріалъ для новеллъ этого императора. Къ болѣе подробному разъясненію намѣченныхъ здѣсь соображеній мы еще надѣемся возвратиться впоследствии.

¹⁾ *Zachariae*—*Jus graeco-romanum*, t. III, p. 187.

²⁾ Подробнѣе объ этихъ спорахъ см. въ изслѣдованіи *Н. Г. Попова*—Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи, стр. 109—185, М. 1892; въ статьѣ *Н. Волкова*—Николай Мистикъ, патріархъ константинопольскій (Приб. къ твор. св. от., ч. XX, стр. 171—193, 226—233); въ книгѣ *проф. прот. М. И. Горчакова*—О тайнѣ супружества, стр. 186—188 и др.

на будущее время рѣшеніе спорнаго вопроса ¹⁾. „Опредѣляемъ общимъ мнѣніемъ и судомъ,—читаемъ мы здѣсь—чтобы съ настоящаго года никто не дерзалъ на четвертый бракъ, который совершенно отвергается (*εἶναι ἀπόβλητον παντελῶς*); и если кто рѣшится вступить въ такое сожителство, да будетъ лишенъ всякаго церковнаго собранія и чуждъ самага входа въ святыи храмъ до тѣхъ поръ, пока останется въ этомъ сожителствѣ, ибо такъ угодно было и св. отцамъ, бывшимъ прежде насъ. И мы, дѣлая это рѣшеніе болѣе яснымъ, объявляемъ таковаго чуждымъ христіанскаго общества. Такъ—о четвертомъ бракѣ. А чтобы привести въ большее благообразіе и другіе (повторительные) браки и дать имъ такой видъ, чтобы они не казались недостойными христіанской жизни, мы и относительно третьяго брака опредѣляемъ, что онъ не долженъ быть совершаемъ просто и какъ случилось; ибо хотя онъ и былъ терпимъ отцами, какъ нечистота, или такое дѣло, которое тогда не совершалось еще такъ безстыдно,... но нынѣ, когда эта нечистота сдѣлалась открытою и, вслѣдствіе повсюднаго распространенія, не считается уже чѣмъ-либо постыднымъ и оскверняющимъ, мы признали за благо устранить ее точно такъ, какъ мы никогда не оставляли грязи, если она лежитъ не въ углу, а раскидана по жилищу, но очищаемъ домъ и выбрасываемъ изъ него все, неприятное для глазъ. И такъ, уступая человѣческой немощи и заботясь о подобающемъ человѣческой жизни благоприличіи, опредѣляемъ соблюдать относительно третьяго брака слѣдующее: если кто, доживъ до сорока лѣтъ и не стыдясь природы, не имѣя попеченія о подобающемъ каждому христіанину благоустроеніи своей жизни, но движимый только страстнымъ вожделѣніемъ, ввергнетъ себя въ третій бракъ, таковой не имѣетъ участія въ причащеніи святыхъ таинъ до истеченія пятилѣтія (*μέχρι πενταετίας ἀμέτοχον εἶναι τῆς τοῦ ἁγιασμοῦ μεταλήψεως*),

¹⁾ Ὁ τόμος τῆς ἐνώσεως въ подлинникѣ напечатанъ сполна у Zachariae—Jus graeco-roman., t. III, p. 228—232; въ аеинской *Σύνη* т. V, стр. 4—10; у *Leunclavius* въ Jus graeco-roman. t. I, p. 104—108. Славянскій переводъ „тома“ составляетъ 52-ю главу печатной Кормчей, по изд. 1787 г. л. 245 об.—254 об. Приводимый далѣе въ текстъ отрывокъ на русскомъ языкѣ заимствованъ изъ „Правилъ св. от. съ толков.“, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв., стр. 171—173 (толков. Вальсамона на 4 пр. св. Вас. В.).

и это соблюдается со всею строгостью, такъ что срокъ эпитиміи ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть сокращаемъ для него. Ибо кто послѣ сорокового года возлюбилъ быть или считаться въ христіанской церкви нечистою, тотъ какое представить удостовѣреніе въ томъ, что онъ печется о своей жизни и заслуживаетъ того, чтобы для него сокращено было время отлученія отъ таинъ? Но и послѣ того, какъ онъ будетъ удостоенъ пречистаго причащенія, не должно быть дозволяемо ему приступать къ причащенію въ другое время, развѣ только въ день спасительнаго воскресенія Христа и Бога нашего, когда онъ, сколько возможно, очистится воздержаніемъ въ предшествовавшіе дни поста. Но это мы говоримъ о тѣхъ, которые, какъ сказано, вступаютъ въ третій бракъ послѣ сорокового года, не имѣя дѣтей отъ прежнихъ браковъ: ибо, если будутъ дѣти, третій бракъ для нихъ недозволителенъ (*ἐὰν τέκνα παρῆ, ἀσυχώρητος αὐτοῖς ἢ τριγαμία*), такъ какъ было бы весьма несправедливо потакать безвременному похотѣнію отца и не позаботиться о судьбѣ дѣтей отъ прежнихъ браковъ, чтобы они были обезпечены и свободны отъ невыгодъ, какими сопровождается для семьи излишнее чадородіе. А кто будучи тридцати лѣтъ и имѣя дѣтей отъ предшествовавшихъ браковъ, соединится съ третьею женою, таковой безъ всякаго снисхожденія долженъ быть удаленъ отъ таинъ на четыре года, потому что онъ вступилъ въ этотъ бракъ, очевидно, не вслѣдствіе чего-нибудь другого, а по увлеченію невоздержаніемъ и потому, что онъ рабъ плотскихъ пожеланій. А по истеченіи срока эпитиміи только трижды въ годъ онъ удостоивается причащенія таинъ: въ первый разъ—въ день спасительнаго воскресенія Христа и Бога нашего, во второй—въ успеніе Пречистой Владычицы нашей Богородицы и въ третій—въ день рождества Христа и Бога нашего, потому что и этимъ двѣмъ предшествуетъ постъ, доставляющій пользу (немошнымъ душамъ). А если дѣтей нѣтъ, то поелику желаніе чадорожденія не непростительно, пусть такой бракъ удостоится снисхожденія и уврачуется эпитиміею, какая дѣйствовала отъ начала и до нынѣ (*τὸ τριγαμία συγγνώμης ἀξιοθήσεται ὁ τοιοῦτος γάμος, καὶ μόνον τῷ ἐξ ἀρχῆς καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατήσαστι ἐπιτίμιον θεροσπευθήσεται*)⁴. Что же касается второго брака, то онъ признанъ дозволеннымъ подъ условіемъ точнаго соблю-

денія установленныхъ правилъ, охраняющихъ чистоту брачнаго союза вообще и—разумѣется—безъ отмѣны назначенной въ канонахъ за второбрачіе эпитиміи ¹⁾.

Приведенное соборное опредѣленіе, будучи церковнымъ по своему происхожденію и по содержанію раскрываемыхъ въ немъ положеній относительно предѣловъ повторяемости христіанскаго брака, съ самаго начала, благодаря императорской санкціи, получило силу и гражданскаго закона ²⁾. Это обстоятельство даетъ намъ право видѣть въ „актѣ соединенія“ завершительное звено того процесса, которымъ законодательство византійскихъ императоровъ постепенно шло отъ традицій до-христіанскаго права къ усвоенію церковно-канонической точки зрѣнія на второй и послѣдующіе браки христіанъ. Съ изданіемъ названнаго акта предметъ этотъ какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ законодательствѣ Византіи получилъ свое окончательное, вполне тождественное рѣшеніе, которое стало руководящею нормою для практики послѣдующихъ временъ ³⁾.

Представленный анализъ первой части modestивной формулы, опредѣляющей супружество, какъ *conjunctio maris et feminae*, даетъ намъ возможность отвѣтить вполне опредѣленно на вопросъ о томъ, чѣмъ должно быть названное

¹⁾ Вопреки мнѣнію Вальсамоиа (см. его толков. на 7 пр. Неокес. соб.,—Прав. св. помѣсти. соб. съ толков., вып. 1, стр. 86. М. 1880). Такое мнѣніе не можетъ быть принято, на нашъ взглядъ, во 1-хъ потому, что не соотвѣтствуетъ общему ригористическому духу соборнаго опредѣленія, изрекающаго свой судъ и назначающаго эпитиміи *μετά πάσης ἀκρεβείας*, древнихъ канонѣвъ; во 2-хъ, какъ не находящее себѣ подтвержденія въ практикѣ послѣдующаго времени, насколько о ней можно судить по „каноническимъ отвѣтамъ“ различныхъ іерарховъ и церковно-административныхъ дѣятелей (см. отвѣты Или м. критскаго—въ *Σύνη V*, р. 378; Никиты м. ираклійскаго—*ibid.* р. 441. и др.).

²⁾ Такъ именно смотритъ на него извѣстный знатокъ памятниковъ византійскаго права *Цахаріэ фонъ Лингенталь*, помѣстившій *τόμος τῆς ἐνώσεως* въ своемъ изданіи императорскихъ новеллъ. По его словамъ, названный памятникъ *ab ipsis Graecis novellae legis instar habetur* (см. его *Jus graecoroman.* t. III. р. 227, примѣч.).

³⁾ См. объ этомъ подробнѣе у *Zhishman'a* о. с. S. 443—446. Вполнѣ согласную съ опредѣленіями „тома“ практику отмѣчаетъ и бл. *Симеонъ солунскій* въ „Разгов. о священнод. и таинств. церковныхъ“. гл. 276.—*Migne. Patr. gr.* t. CLV. col. 505; р. перев. въ Пис. св. оо. и учит. церкви, относящ. къ истолков. правосл. богослуж., т. II, стр. 352. СПб. 1856.

явленіе по самому существу, опредѣляемому свойствами и потребностями человѣческой природы. Разсматриваемый съ этой *естественной* стороны, бракъ только тогда въполнѣ отвѣчаетъ своей идеѣ, когда онъ есть полное и всестороннее, обусловливаемое *психо-физическимъ* различіемъ половъ, единеніе *двухъ* человѣческихъ личностей: *одного* мужа и *одной* жены, въ цѣляхъ взаимнаго восполненія ими своей половой односторонности. Въ такомъ единеніи природная склонность къ „полосочетанію“, присущая и животнымъ, возвышается въ *кравственнѣй союзъ любви*, гдѣ личность одного пола, со всѣми ея природными свойствами, настолько тѣсно и гармонически соединяется съ своею половую противоположностью, что составляетъ съ нею какъ-бы единый духовный организмъ, болѣе совершенный въ этомъ новосозданномъ цѣломъ, чѣмъ въ своихъ составныхъ частяхъ. Здѣсь становится возможною та полнота духовнаго объединенія двухъ индивидуумовъ, которая позволяетъ *Ἐνα σκεδὸν ὁμόψυχον ἄνθρωπον, ἐν ὁσὶ θεοροῦμενον ὑποτάσσει, τοὺς ἀμοζύγους διὰ τὸν γάμον λογίζεσθαι* ¹⁾).

И. Громогласовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Вальсамона—*Διήγησις* въ *Σύγγ.* Радли и Потли, т. IV, стр. 561. Ср. св. *Астерія амасійск.* Homil in Matth. XIX. 3.—*Migne, Patr. gr. t. XL. col. 229.*